

Л. Ф. Муртузалиева,

Свердловский областной краеведческий музей (Екатеринбург)

Семья Юровских в Екатеринбурге

О главе семьи несколько лет говорили много и часто. В основном, негативно. Цель данного сообщения — рассказать просто о семье, тем более, что документы и фотографии есть в фондах краеведческого музея, музея фотографии (благодаря неустанному краеведческому поиску Е. М. Бирюкова) и в ЦДООСО.

В Екатеринбург Юровские приезжают в конце 1912 г. Этому предшествовал арест известного в Томске владельца часовой мастерской Якова (Янкеля) Юровского.

Причина ареста — принадлежность к РСДРП(б), которую в этот период власти обвиняли в подготовке противоправительственных действий. В качестве наказания, после тюремного задержания, ему был объявлен запрет для въезда в 64 пункта государства российского. Екатеринбург к этим пунктам, по видимому, не относился.

В Томске Юровский считался первоклассным часовщиком и ювелиром, чьи работы удовлетворяли изысканные вкусы сибирских магнатов и их жен. Позже он напишет в анкете, что рабочий стаж часовщика до 1917 г. — 23 года (1). Про деятельность ювелира не пишет ничего.

В Томске Яков Михайлович пользовался репутацией предприимчивого, далекого от политической борьбы человека. Но мало кто знал о том, что Яков — член подпольной группы РСДРП(б) г. Томск, занимавшейся организацией побегов ссыльных и каторжан. В изложении писателя Я. Резника, он уезжал якобы с товаром на север. Солидный, добротнo одетый, он вывозил для жителей Заполярья дешевые украшения, оружие, порох, рыбачьи снасти. У полицейских чинов и в мыслях не было, что оружие и порох Юровский вез совсем не мансийским охотникам. Он вез его товарищам по партии, отбывавшим срок каторги и готовящимся к побегу. Вырученные за проданный товар деньги, меховую одежду, продукты — тоже им (2).

К моменту прибытия в Екатеринбург Якову исполнилось 34 года. Вырос он в многодетной (10 человек) семье кустаря-

стекольщика. Мать занималась шитьем на дому. Как пишет сам Юровский, он начал работать по найму с 10 лет учеником портного. Семья была глубоко религиозной, тон задавал дед-раввин. Позже, отвечая на вопрос листа переписки членов РКП(б) 1922 г.: «имеете ли религиозные верования и убеждения?», 44-летний Яков ответил: «Нет». Но известно, что, побывав в Германии в самом начале века, он приехал оттуда лютеранином.

Мы с интересом узнали из новой книги Е. Бирюкова, что, оказавшись в трудной для себя лично ситуации, Юровский ищет совета у Л. Толстого и пишет ему письмо. Эти факты говорят о нем как о человеке думающем, ищущем.

Отец Якова, Михаил Исаакович, умер в 1916 г., тогда мать, Эстер Моисеевна, переехала к сыну в Екатеринбург.

Вскоре по приезде Юровские открывают собственную «фотографию миниатюр» по Покровскому проспекту, в которой работали всей семьей. Деньги в кредит дал знакомый еще по Томску ювелир. Кредит выплатили только к лету 1916 г. Хозяйкой считалась жена, Мария Яковлевна, политически неблагонадежный Яков Михайлович не мог совершать торговые сделки, он фотографировал и печатал снимки. Жена и дочь принимали и выдавали заказы. Клиентов, по-видимому, было много. Имелся еще и наемный фотограф — Н. Введенский, тогда еще совсем молодой человек, впоследствии, один из популярных фотографов города. О своей жене Юровский напишет в прощальном письме своим детям в 1938 г., что «она друг и верный товарищ ... за всю жизнь она ни разу не пожаловалась на усталость, хотя накануне революции и после Октября она работала на износ. Желаю вам быть такими добрыми, отзывчивыми, честными и скромными, как Ваша мама».

О своей деятельности в качестве фотографа Юровский позже напишет: «В Екатеринбурге жандармерия все время ко мне придиралась и требовала бесплатно фотографировать заключенных, ... в Екатеринбурге я нашел друзей, истинных большевиков... в грозе Октября судьба повернулась ко мне самой светлой стороной» (3).

Летом 1917 года, когда Уральский областной комитет РСДРП(б) собирал деньги на типографию для издания рабочей газеты,

«фотография миниатюр» была продана, а деньги внесены в фонд будущей газеты.

Для себя семья сняла домик под номером 6 по Первой Береговой улице (ныне ул. М. Горького, дом не сохранился).

Кроме работы в фотографии, Мария Яковлевна оказывала акушерские услуги жителям города. При Томском родильном доме она окончила Повивальный институт. Бывая в семьях на рабочих окраинах, она вышла на членов Екатеринбургской группы РСДРП(б) Леонида Вайнера и Ивана Малышева. О Малышеве, как о толковом верном человеке, рассказывал Юровскому еще в Тюменской тюрьме Миша Герцман, тоже екатеринбуржец.

Детей надо было учить. Старшей, Римме, к этому времени было 14 лет. Она родилась в Феодосии, где семья жила до 1902 г. В Томске она училась в городском училище. В Екатеринбурге хотела продолжать учебу уже в гимназии, но ее не приняли из-за неблагонадежности отца. Возможность учиться представилась ей и ее брату Александру только в 1915 году, когда отца призвали на военную службу (4).

Римма стала учиться во второй женской гимназии, славившейся либеральными порядками. Но, по-видимому, она ее не закончила, об этом нет данных в ее личном деле. Ее подругами в гимназии стали уже учившиеся там Зина Осколкова, Маруся Жеребцова, впоследствии — члены Уральского Союза молодежи. Этот союз был создан в апреле 1917 г. при городском комитете партии большевиков. Римма стала одним из секретарей новой общественной организации, а в январе 1919 г. — председателем Союза (5). Молодежь расклеивала объявления о митингах, разносила газеты, выполняла поручения старших.

Александр родился в Томске в 1904 г., в Екатеринбурге в 1915 г. был принят в 1 мужскую гимназию. По инициативе молодежи города в 1916 г. на Урале был создан «Майский союз», в задачу которого входило прививать детям любовь к животным, к природе в целом. По весне именно члены союза приводили в порядок Шарташский парк, заботились о брошенных животных. В нашем музее хранятся билет члена «Майского союза» и гимназический билет на имя Александра Юровского. Членом Уральского союза молодежи Саша был сразу с первых дней его создания.

Война сделала Якова Юровского призывником. Но военно-врачебная комиссия обнаружила у него туберкулез, язву желудка и ревматизм. С такими болезнями он не был годен ни для фронта, ни для тыловой службы. В полиции было подготовлено предписание о высылке его с семьей в Чердынский уезд.

Но удалось получить направление в фельдшерскую школу при гарнизонном госпитале. Одновременно он служил фельдшером при Екатеринбургском госпитале. Учение давалось с трудом. За всю свою жизнь Яков учился в городском училище Томска только одну зиму. Даже бывая в увольнительных дома, просил дочь-гимназистку диктовать ему латынь, проверять, правильно ли он решает задачи. Позже он напишет: «Если бы вы могли представить себе, какие муки я претерпел из-за скудных знаний».

Всю весну и лето 1917 года Я. Юровский работал в качестве фельдшера в хирургическом отделении Екатеринбургского госпиталя (6).

Екатеринбург узнал о Февральской революции через несколько дней после того, как она произошла. Сообщение Временного комитета Государственной думы было напечатано в городских газетах 3 марта 1917 года. В этот же день на Кафедральной площади города прошли манифестации. Ее участники пришли к воротам городской тюрьмы и раскрыли двери камер. На свободе оказалось ранее арестованное руководство уральской организации большевиков — Малышев, Парамонов, Линде и др. Вечером в новом городском театре состоялся митинг горожан. Звучали страстные речи о прекрасном будущем страны, об открывающихся новых возможностях. От солдат гарнизона на митинге в Новом театре выступил Яков Юровский. По-видимому, это было ему поручено большевиками города.

А 8 марта в газете «Зауральский край» появилось объявление о приеме в партию большевиков, позже прием новых членов был объявлен и в другие политические партии — эсеров, кадетов, меньшевиков, анархистов. Началась активная агитация по привлечению в партии жителей города.

Наиболее простым был прием в партию кадетов. Нужно было просто прийти на партийное собрание, и человек считался принятым. До февраля 1917 г. партия кадетов была привилегированным сообществом. Но история сделала свой винок, и для

того, чтобы удержаться на плаву, кадетам срочно пришлось «полеветь».

Учащаяся молодежь города поголовно увлекалась анархизмом (6) — настолько необычен и привлекателен был лидер анархистов Петр Жебенев, студент Петроградского Политехнического института, приехавший на каникулы в семью своих друзей Сиговых, да так и застрявший в Екатеринбурге. Чтобы не быть мобилизованным в армию, он вступил добровольцем в запасной 126-й полк, расквартированный в Екатеринбурге. Позже он стал членом городского Совета рабочих и солдатских депутатов.

В марте 1917 г. большевиков в городе насчитывалось около 40 человек (7). Средний возраст — 30–32 года. Городской комитет возглавил Иван Малышев, обязанности секретаря исполнял К. Линде. Комитет располагался в доме рабочего ВИЗа Василия Медведко по ул. Фетисовской, 6 (ныне ул. Февральской революции) (8).

Екатеринбург и его окрестности захлестнули митинги. Все хотели понять случившееся и принять активное участие в событиях. Об этом, каждый на свой лад, говорили ораторы, представляющие весь политический спектр страны. Их охотно слушали, но разобраться по-прежнему было сложно, особенно сельским жителям. И тогда партия анархистов в лице своего лидера Петра Жебенева предлагает издать словарь революционных терминов специально для приобщения к политической деятельности сельских масс (9).

В апреле рабочая Сысерть преподнесла сюрприз: под влиянием местного большевика Павла Антропова и разъездных агитаторов Уральского областного комитета РСДРП(б) все рабочие местного завода в количестве 1700 человек записались в партию большевиков (10).

Яков Юровский и члены его семьи — в гуще событий. В марте 1917 г. Мария Яковлевна официально стала членом партии большевиков, Римма и Саша — членами юношеской организации города, дома оставались только 10-летний Женя и старенькая бабушка.

Юровского как делегата от солдат гарнизона избирают в комитет общественной безопасности (КОБ), где он входит в агитационный отдел и принимает участие в организации городских митингов. Чаще всего местом их проведения назначался

гимнастический зал при первой мужской гимназии и Новый городской театр (ныне Академический театр оперы и балета). Лидеры партий города считали, что именно театр — самое приличное место для проведения митингов и собраний горожан. Глава театральной дирекции адвокат Н. Ф. Магницкий яростно возражал, поскольку у него были заключены контракты на театральный сезон. В конце концов, пришли к соглашению, что 10 дней в месяц в театре будут идти спектакли, а 20 дней — митинги и собрания (11).

Сам КОБ во главе со своим председателем Львом Кролем, лидером кадетов города, располагался в помещении Городской думы, затем в концертном зале И. Маклецкого.

Вместе с отцом на митингах бывает и Римма, она пока слушает, потом начнет выступать сама, чаще среди молодежи. Кроме Якова Михайловича, членами агитационного отдела КОБа являлись кадеты, адвокат А. Кошечев и инженер Чистосердов (12).

В возникшем позже Совете рабочих и солдат города Юровский работает в военном бюро, созданном специально для работы с солдатами. Состав бюро был однопартийным, поскольку виды на «серые шинели» у разных партий были разные. Кроме Якова Михайловича, там работали большевики А. Парамонов, работник одной из больничных заводских касс, и В. Килин, солдат инженерной части, расквартированной в Екатеринбурге.

С победой Октябрьской революции глава семьи Юровских становится руководителем городского ЧК, председателем следственной комиссии ревтрибунала, зам. комиссара юстиции Уралсовета. Мария Яковлевна — инструктором райкома 1 района города, Римма — одним из секретарей Уральского союза молодежи. Вместе с другими секретарями занимается подготовкой 1 съезда молодежи Урала, который прошел в Екатеринбурге в декабре 1917 г. А с января 1918 г. становится редактором журнала «Юный пролетарий Урала». Шурик — один из активных членов Союза молодежи и первый помощник сестры.

В конце мая 1918 г. Юровского назначают комендантом Дома особого назначения. А в ночь с 16 на 17 июля 1918 г., при его непосредственном участии, решается судьба русской монархии. Сам Юровский пишет: «Мое непосредственное отношение к

Дому особого назначения кончается 16 июля, так как ночью Николай, семья и оставшаяся челядь были расстреляны... 19 июля я уехал в Москву с докладом ... ценности (в 1/2 пуда) передал А. Трифонову, члену РВС III армии Восточного фронта, их схоронили в Лысьве. После освобождения Урала Н. Крестинский увез их (ценности) в Москву ... потом видел бусы жемчужные царицы в ГОХРАНе (13), где заведовал «золотым отделом».

Но наиболее значительные ценности Юровский все же увез с собой в Москву и передал коменданту Кремля Малькову.

По приезде в Москву Юровского назначают на должность руководителя районного отдела ЧК. В августе 1918 года в Москве на заводе Михельсона было совершено покушение на В. И. Ленина. Юровский вошел в состав оперативной группы, которая занималась расследованием покушения.

Именно он делал фотографии места преступления, и именно эти снимки фигурировали потом в уголовном деле.

Маузер, который был с ним в подвале дома Ипатьева, пока при нем. Он сдаст его в исторический музей позже — в 20-е годы, вместе с известной докладной запиской об обстоятельствах расстрела. В сопроводительной записке к оружию он напишет: «...этим маузером я выполнил самую почетную работу революции. Я уничтожил монархию в России».

Старшая дочь Римма в марте—апреле 1918 г. в составе «молодежной сотни» участвует в боях на Дутовском фронте в качестве сестры милосердия. С началом мятежа белочехов в июне 1918 г. вместе с подругами по 2 женской гимназии выезжает на Златоустовский участок фронта в составе интернационального отряда. Вначале принимает участие в боях в качестве медсестры, а затем ее приглашают в бюро печати Политотдела III Армии (14).

В октябре 1918 г., в составе Уральской делегации из 5 человек, принимает участие в работе I Всесоюзного съезда Союзов молодежи, где ее избирают в состав ЦК.

В Екатеринбурге, после отъезда сына в Москву, осталась и была арестована семидесятилетняя мать Якова Михайловича. Она все ждала, что за ней зайдет товарищ сына и отправит в безопасное место, но тот был убит. Женщина оказалась в контрразведке белых. Ее допрашивали, надеясь получить сведения о сыне и о событиях в доме Ипатьева. Её не расстреляли, надеясь,

что когда-нибудь, арестовав самого Якова, заставят его говорить, угрожая расправой над матерью. Вскоре после освобождения города от белых она умерла.

Другие члены семьи эвакуировались вместе с поездом, который вывозил из Екатеринбурга золотой запас перед самым отходом красных из города. Золото тайно переплавлялось в слитки в золотосплавочной лаборатории при Афинажном заводе.

После освобождения Урала от белых Яков снова возвращается в Екатеринбург по поручению ЦК РКП(б), так как он хорошо знает обстановку на месте. Приходится совмещать сразу две должности: председатель губернского ЧК и заведующий отделом соцобеспечения. Как вспоминала заместитель Юровского по отделу Соцобеспечения М. Н. Уфимцева, на второй своей должности он чаще полагался на нее, поскольку работа в ЧК поглощала все его время.

Семья обосновывается в Екатеринбурге. В этот период они живут по Вознесенскому проспекту (ул. Карла Либкнехта), 32. Когда-то дом принадлежал издателю газеты «Зауральский край» Агушевичу. В доме рядом, принадлежавшем известному в городе фотографу В. Метенкову, обосновалась «коммуна старых большевиков», где жили с детьми вдовы И. Малышева, П. Хохрякова, подруга Р. Юровской по гимназии Маруся Сокольская с мужем и другие.

Жена Мария Яковлевна тоже в гуще партийной работы. Она — секретарь районного комитета партии. Сын Александр, по примеру сестры, занимается молодежными вопросами. Он секретарь комитета молодежи в том же районе, где работает и мать — в I-м центральном.

Римма бывает дома наездами. По заданию ЦК Союза молодежи в 1919 г. она командирована для организации союзов молодежи в Вятку, в 1920 г., с этой же целью, в Ростов. В 1922–1924 гг. учится в коммунистическом университете им. Я. Свердлова. Принимает участие, с правом совещательного голоса, в работе IX съезда партии.

Только в 1927 г. возвращается домой в Екатеринбург. Работает на ВИЗе и в типографии «Гранит» заведующей агитотделом. Позже руководит отделом кадров в окружном комитете партии.

Работает в Перми, Надеждинске, Ростове (15). В 1931 г. переезжает в Москву.

Семья с конца 1920 г. окончательно обосновывается в Москве. Отец последовательно занимает должности: зав. отдела в ГОХРАНе, зам. директора завода «Красный богатырь», секретарь партийной ячейки трамвайного парка в Москве, директор Политехнического музея (16). С 1931 г. — на пенсии.

Александр — член партии с 1925 г., работает в партийных органах. Евгений в партию вступает в 1928 г. Оба впоследствии связывают свою жизнь с морем.

Хотя Юровский и пишет, что отношение к Дому заканчивается 16 июля, воспоминания о событиях кровавой ночи 17 июля сопровождают его всю жизнь. Приехав в Екатеринбург по приглашению старых товарищей по партии, он принимает участие в совещании старых большевиков на тему «Пребывание Романовых на Урале», которое состоялось 1 ноября 1934 г. Свое выступление он предваряет словами: «То, что я расскажу, увидит свет через много лет. Поэтому считаю необходимым предупредить всех участников нарочито узкого совещания — выйдя отсюда, сейчас же забыть о нем. В высшем партийном органе об опубликовании этого материала мне совершенно серьезно сказали: никаких писаний и никаких рассказов, так как не все могут политически оценить и понять его» (17).

Последние годы Я. Юровский болел. В 1933 году умерла его жена. У Риммы начались неприятности — многие ее друзья по ЦК комсомола перешли в разряд врагов народа. Отец пытается ее защитить. Он пишет личное письмо И. Сталину, в котором ручается за дочь как за преданного партии товарища.

2 августа 1938 г. Юровский умер в Кремлевской больнице от прободения язвы желудка. Некролог о смерти «старого большевика» подписывает партийный комитет советского контроля при Совете народных комиссаров СССР.

В 1938 г. Римма была репрессирована. Получила срок в 10 лет с отбыванием его на поселении в районах Средней Азии, где занималась плано-экономической работой. Младших братьев репрессии не коснулись.

В 60–70-е годы Римма Яковлевна несколько раз приезжала на Урал. Ее воспоминания о событиях 1917–1918 гг. в Екате-

ринбурге публиковались в прессе, тематических сборниках. Она охотно встречалась с молодежью.

В прощальном письме детям Яков Михайлович мечтал о том, чтобы было у него «трижды по пять внуков да к ним рота правнуков». Но об этом поколении у нас данных нет.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) ЦДООСО. Ф. 221, Оп. 2, Д. 497, Л. 7
- 2) Резник, Я. Чекист / Я. Резник. — Свердловск, 1972. — С. 4.
- 3) ЦДООСО. Ф. 41, Оп. 2, Д. 28, Л. 12.
- 4) ЦДООСО. Ф. 221, Оп. 2, Д. 878, Л. 3.
- 5) ЦДООСО. Ф. 4, Оп. 17, Д. 193, Л. 4
- 6) ЦДООСО. Ф. 41, Оп. 2, Д. 218, Л. 80.
- 7) ЦДООСО. Ф. 41, Оп. 2, Д. 28, Л. 2.
- 8) Там же, Л. 3.
- 9) Уральская жизнь. — 1917. — 18 апр.
- 10) ЦДООСО, Ф. 41, Оп. 2, Д. 28, Л. 4.
- 11) Уральская жизнь. — 1917. — 11–14 февр.
- 12) ГАСО. Ф. 11, Оп. 2, Д. 24, Л. 31.
- 13) ЦДООСО. Ф. 41, Оп. 1, Д. 150, Л. 18
- 14) ЦДООСО. Ф. 221, Оп. 2, Д. 878, Л. 12
- 15) ЦДООСО. Ф. 4, Оп. 17, Д. 193, Л. 7.
- 16) ЦДООСО. Ф. 221, Оп. 2, Д. 497, Л. 6.
- 17) ЦДООСО. Ф. 41, Оп. 1, Д. 150 Л. 60.

Е. Н. Белякова,

Свердловский областной краеведческий музей (Екатеринбург)

Музей как объект показа туристам

В последние годы в России наблюдается динамичное развитие туризма, как внутреннего, так и зарубежного. Быстрому развитию способствует расширение политических, экономических, культурных и научных связей между государствами и регионами страны. Но все же показатель туристской подвижности населения России, особенно внутри страны, остается одним из самых низких показателей в мире. Возможно, это связано с тем, что большинство туристических фирм предпочитает